

И если вам недруга жалко, чьё горло должны перерезать, то вряд ли на это решитесь — сочувствие вам не позволит. Желаящий действовать, горло, как ниточку, перерезая, о жалости помнить не должен, он вынужден всю без остатка из памяти вытравить жалость, поскольку иначе не сможет убить человека, сражаясь. И если готов ты, как воин, отчаянно кинуться в битву, о жалости помнить не смей.

Высмеивай тех, кто не в силах из памяти вытравить жалость, но бойся, поскольку внезапно они измениться способны, опасными стать — не заметишь, как дух из тебя выбивают. И если быть воином хочешь, который всегда побеждает, убей в себе жалость, иначе она тебя первой погубит. И тот, кто врагу сострадает, сам будет воистину жалок, не станет он воином смелым, надёжным защитником рода. Как битва закончится, будет лежать с перерезанным горлом добычей для бога такого, которому веруют черви, а так же торжественной пищей для бога стервятников будет, слезами для матери старой, кошмаром ночным для жены.

Любой, кто о воинах слышал, знаком был и с именем Исмул, ведь не было воина лучше, чем воин по имени Исмул. Героев и ближних, и дальних земель одолел он, ославил — низложен неистовый Эмих, разогнано племя Нугара. Он лучшим из лучших был, ибо однажды убил в себе жалость.

Когда бездыханное тело отца принесли с поля битвы, где племя Нугара победу в достойной борьбе одержало, он плакал — отец его Шимус лежал с перерезанным горлом. Когда бездыханное тело отца принесли с поля битвы и маленький Исмул увидел отца с перерезанным горлом, он вытравил всю свою жалость и в землю сырую втоптал.

Не примет отец его Шимус той жалости сдавленный ступок, не будет смотреть, как бывало, с любовью на детские игры, но дух его светлый и грозный направит послушного сына: о, горе тому, кто не сможет отмстить за отцовскую гибель, о, горе тому, кто сумеет забыть материнские слёзы.

Дух Шимуса грозный и светлый был рядом, когда обходил он края, собирая таких же скорбящих, готовых на мщенье детей, чьи отцы не вернулись живыми домой с поля битвы.

Дух Шимуса грозный и светлый был рядом, когда впереди он безусого войска промчался, взнуздав жеребца племенного, — над всем его войском витали отцов совершенные духи.

Дух Шимуса грозный и светлый дал знак о начале сраженья и сына покинул на время — взлетел к небесам, потому что отцов совершенные духи не жалуют лязга металла, боятся предсмертного крика и крови своих сыновей.

Дух Шимуса грозный и светлый, взлетая над полем, увидел несметное полчище духов отцов неприятеля в небе — их было на тысячу больше, чем войска бесстрашного сына, и были сильнее их дети, взрослее, упрямее, крепче.

У вражеской армии звонче мечи, жеребцы расторопней, щиты, заслоняя героев, слепили полуденным солнцем.

Дух Шимуса грозный и светлый, взлетая всё выше и выше, искал разговора с богами, но боги ему не встречались ни там, где они обитают — в пространстве высокого неба, ни там, где земная обитель уходит за край горизонта.

«Скажите мне, славные боги, скажите, чем кончится битва, древесные боги, морские, небесные, дольные боги, в облики птиц и животных, лягушек, мышей, насекомых, в облики рыб, человека, о боги, чем кончится битва?» В ответ опустевшее небо вокруг нависало безмолвно — богам все едины в той битве, которую не одобряют.

Когда же увидел вдали он тончайшее облако, ближе к нему подлетел и внезапно они в одно целое слились, и было то облако богом Отз — незавершённого дела. Ответило облако: «Шимус, гордись наставлением сыну, похвально, что мальчик решился отомстить за отцовскую гибель. Но быть не должно в этой битве того, кто одержит победу, никто в этой битве не должен иметь преимущества, ибо достаточно нам всемогущим богам человеческой смерти, теперь поклонения алчем живых, а не мёртвых созданий. Дух Шимуса, без промедлений вернись к неумному сыну, шепни ему на ухо: «Боги желают скорейшего мира!», а я повелю прочим духам — отцам неприятеля — так же вернуть сыновей с поля битвы — смиренно молиться богам».

Дух Шимуса грозный и светлый слова эти выслушал молча, нельзя человеческим духам вести пересуды с богами. Тончайшее облако скрылось, и туча заполнила небо, то был непреклонный Ианнон — бог мести и сдержанной клятвы, и вот, что услышал он: «Шимус, не смей останавливать сына, великой и праведной битве начало положено свыше, не следуй внушениям бога Отз — незавершённого дела, всё то, что случается в мире исходит из тайного плана, по замыслу высшего бога богов, а не как-то иначе». Рассеялась туча, и больше дух Шимуса грозный и светлый, блуждая в небесных потёмках, не встретил уже никого.

Вернувшись назад к полю битвы, кружился над армией сына, не зная, какому совету отдать предпочтение надо, кому из богов поклониться, последовать чьим повелениям, какими речами наполнить сыновний воинственный разум. Дух Шимуса грозный и светлый теперь был прозрачнее ветра, летал, озираясь, и всюду — в тумане ли, в облаке робком, в скопившихся ливневых тучах — мерещились Шимусу боги.

Ослаб за мгновение ока в седле обессиленный Исмул, душа его, выйдя из тела, испуганно кинулась ввысь.

Героем отважным и смелым был мальчик по имени Исмул, отважней героя не будет, не будет смелее героя. Когда из него выходила душа, он успел заслониться щитом, уберечь своё тело от взмаха меча рокового. Но больше не мог удержаться в седле и, как замертво, рухнул на землю, из рук выпуская клинок окровавленный, верный — выковыывал сам его как-то из мести и мужества Исмул. Дух Шимуса, так и не сделав свой выбор, кружился над полем, поэтому сын его Исмул, щитом прикрываясь, лежал и не мог шевельнуться. Отныне он был опустевшим сосудом, никчёмной вещицей, бездушным куском обездвиженной плоти — такое случается, если отцов совершенные духи, кружась, разрываюются между советами разных богов.

Увидев, что Исмул недвижим лежит на земле, его войско бежало гурьбой с поля битвы так быстро, что не успевали за ними — ветрами гонимы — отцов совершенные духи, и воины вражьего стана, увидев, что Исмул недвижим, бросая щиты золотые, которые были не ярче теперь человеческой желчи, в обратную сторону также бежали гурьбой с поля битвы без радости, без ликований, победы страшась, ибо знали, что боги находятся рядом.

Все знали, что смертным опасно быть рядом с богами во время их ссоры и биться друг с другом нельзя, если боги лютуют, иначе навеки лишишься покоя и воли к победе и будешь, как тяжкое бремя, носить в себе груз поражений не только при жизни, но даже в небесной глуши после смерти. Поэтому Исмул оставлен один был. Покинутый всеми — врагами, друзьями и духом отца — он лежал одиноко среди искалеченных трупов, предсмертных агоний и стонов, душой не владея, но сердце по-прежнему билось его.

Щитом прикрываясь, лежало в траве бесполезное тело, душа, отлетевшая мигом, обретшая слабые крылья, не ведая истинной цели, в ночи безучастно парила, как белая бабочка, та, что пути своего не имеет. Развеет поднявшийся ветер к утру облака или тучи, подхватит сиротскую душу, к высокому небу поднимет — чем дальше от бренного тела душа отлетала, тем легче и больше казалась, как будто питала собой пустоту.

И та пустота постепенно густела, плодом созревая, крепчала, как тело подростка, крепчает в отчаянной битве, небесная завязь плотнее стального хребта становилась и твёрже земли под ногами, и детского сна невесомей. Когда-то пытливым и дерзким был мальчик по имени Исмул, но даже тогда он представить не мог, что такое увидит.

Душа, ослеплённая местью, беснуется, будучи в теле, но стоит прорваться наружу, покинуть свою оболочку, она успокоится тут же и, с небом сливаясь, прозреет.

Бесплотный, как облако, Исмул увидел мерцающий город, в котором обычные души людей почитались богами. Работали в поле по будням, на праздники так веселились, что город звучал, попадая в тональность вселенского хора. В чести были праведный Эмих и мирное племя Нугара. Там души людей обитали, надеясь на то, что однажды найдут в себе силы вернуться обратно в земные тела.

В мерцающем городе Исмул — душа его — вместе со всеми такими же душами зрела, любила, училась наукам. Под стать человеческой жизни, в том городе были порядки: мосты возводились и дети — их души — на свет появлялись. Как долго вне времени прожил в мерцающем городе Исмул — душа его верная телу земному, неведомо людям, когда же вернуться решила, то из благородных подарков, предложенных ей на прощанье, прозрачный кувшин выбирала, в котором сверкала, живее напитка бодрящего, жалость.

Окрепшие крылья расправив, душа пролетела над полем, и ветер единым порывом, покорно исполненном, сдвинул изогнутый щит, открывая бездушное тело героя. Плескала душа из кувшина, лила, не скупясь, орошала холодные руки и ноги, лицо омертвелое, плечи — всё тело той жалостью было омыто, а тем, что осталось на донце, поила, и вместе с живительной влагой по капле сама проникала в него.

Любой, кто о воинах слышал, знаком был и с именем Исмул, ведь не было воина лучше, чем воин по имени Исмул. Как только душа его в тело вернулась, поднялся, оправил одежду, стряхнув равнодушно с коленей приставшую землю, и прочь пошагал с поля битвы за край горизонта, который оплавился утренним солнцем — по замыслу высшего бога богов. Говорят, что вернулось к нему возмужавшее войско. Никто их не видел, не слышал жестокого лязга металла, но там, где они проходили, тот час вырастали сады.